

*А.Я.Лившин,
кандидат исторических наук,
МГУ им. М.В.Ломоносова*

Власть и общественные настроения послереволюционной эпохи

(по письмам во власть)

О любом историческом времени рискованно судить только по высказываниям и деятельности его идеологов и ведущих политиков. Риск заключается в опасности плоского, одномерного взгляда на прошлое, замкнутого лишь в ограниченных сюжетах политической истории. Не следует забывать, что чрезвычайно много информации таят в себе массовые источники социальной истории и истории менталитета. "Письма во власть" — один из наиболее интересных примеров "говорящих", тексто-речевых источников, отражающих культурный опыт предшествующих поколений наравне с типами повседневных политических, социальных и личностных взаимодействий. Динамика и качественные особенности трансформации общественных настроений и менталитета на протяжении коротких, однако насыщенных и драматичных отрезков времени представляют особый интерес. Здесь уже не столь бесспорным выглядит инерционное, "замедляющее" историю свойство ментальности (отдельного человека, этнокультурного и социального сообществ). Между тем работа историка в области изучения общественного сознания требует различать столь неравнозначные понятия, как общественные настроения и менталитет.

Существует весьма значительная неопределенность в том, что понимать под менталитетом. В целом можно говорить о двух подходах, сформировавшихся в исторической антропологии по вопросу о сущности ментальности:

1. Ментальность включает то общее, что присуще сознательному и бессознательному, эмоциональному и логическому. Это относительно целостная совокупность архетипических мысленных ус-

тановок, чувств, верований и т.п., создающая картину мира и скрепляющая единство культурной традиции. Понятие ментальности позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полусознанными культурными шифрами.

2. Ментальность — это сугубо психические установки, т.е. не область сознания, а тот тип психической деятельности, который именуют подсознанием. Оно, по определению, не может быть рационально отрефлектировано сознанием, а представляет собой царство "социального бессознательного", социальных и национальных инстинктов, культурной мифологии. Последнее весьма показательное для данной точки зрения. Миф — не только исторически обусловленный тип общественного сознания, но и особый тип мироощущения, создающий специфическую, иррациональную картину мира. Если признается, что ментальность того или иного сообщества диктуется мифологемами, то и исторические действия и исторический выбор определяются преимущественно "коллективным бессознательным".

Первая из указанных точек зрения представляется значительно более точно отражающей сущность ментальности как феномена культуры и общественного сознания. Очевидно, что менталитет не дается человеку с рождения, а формируется всей совокупностью социокультурных условий. Человек — мыслящее существо; сознательное и бессознательное, рациональное и иррациональное переплетены в нем неразрывно. Социокультурный опыт многообразен, он включает все аспекты мышления и психической деятельности. Таким образом, сводить ментальность общества лишь к "коллективному бессознательному" неправомерно. Поскольку рациональное сознание также участвует в формировании менталитета, инвариантность последнего весьма относительна и имеет свои границы. Следовательно, менталитет обладает определенной пластичностью и может изменяться вслед за изменениями культурных параметров общества, более заметными в периоды глобальных социальных и политических сдвигов. Одним из таких периодов являлась революция в России и последовавшая за ней эпоха драматических изменений в жизни страны и народа.

Что же касается категории "общественные настроения", то она восходит к термину социальной психологии "умонастроение". Согласно классическому определению Б.Д.Парыгина, умонастроение — это эмоционально окрашенная мысль, состояние ума. Умонастроения группируются вокруг каких-то идейных установок и определяют способ оценки человеком явлений окружающей действительности, а также направленность его волеустремлений и интересов. Общественные настроения — это совокупность более или менее устойчивых и социально значимых умонастроений.

В отличие от менталитета — фундаментальной структуры общественного сознания на стыке психологии и культуры, — мнения,

умонастроения — это лишь поверхностный, изменчивый, подвижный слой сознания. Они могут быстро формироваться и столь же быстро исчезать и растворяться в новых настроениях, отражая событийную рябь истории. "Письма во власть" отражают динамику изменений не только в общественных настроениях, но и некоторые направления трансформации менталитета людей в послереволюционную эпоху, когда быстрота и масштабность событий накладывают глубокий отпечаток на массовую психологию, привносят в нее новые, иногда неожиданные элементы.

Общение государства и граждан посредством писем (заявлений, обращений, жалоб, доносов, общественных проектов и т.д.) можно анализировать как форму реализации социального контракта, некоего негласного соглашения между "партнерами" в рамках патерналистской модели взаимодействия и диалога. Обе стороны в этом контракте (власть — общество) следовали связной, хотя и формально не оговоренной модели поведения. Партнеры в рамках условий контракта скорее терпят друг друга как неизбежное зло. Власть и общество ведут диалог, характеризующийся в системе патерналистского сознания признаками диалогового взаимодействия бессильного и бесправного просителя и всемогущего "хозяина", "жаловати и казнити своих холопей вольного". Подобная форма общения и взаимодействия власти и общества абсолютно не характерна для демократического строя с его развитым гражданским и правовым сознанием. Иное дело — Россия со спецификой ее отношений в рамках системы государство — народ. При этом не следует забывать, что в России традиция апеллирования к верховной власти напрямую, без посредников, опирается на челобитную и петиционную культуру, имеющую длительную историю и глубокие корни. Масштабы петиционной активности населения советской России в первое десятилетие существования большевистского режима поистине поражают. Многие архивные фонды, например фонд ВЦИК (фонд Р-1235 в Государственном архиве Российской Федерации), содержат десятки тысяч писем, жалоб и т.д. За 1923-1933 гг. в редакцию "Крестьянской газеты" поступило более 5 млн писем (по жанровым и типологическим особенностям, по характеру языка и иным признакам письма в органы советской печати мало отличаются от собственно "писем во власть", являясь одной из их разновидностей). СНК до 1924 г. получал около 10 тыс. писем в год¹. По данным Е.Г.Гимпельсона, например, Наркомат госконтроля в 1919 г. получил 26 529 жалоб, а в 1920 г. — 48 322².

Если говорить в данном контексте о периоде революции и гражданской войны, то налицо некоторое изменение функционирования

¹ См.: *Роцеккина Е.Н.* О работе с письмами граждан в первые годы Советской власти // Советские архивы. 1979. № 6. С. 22-25.

² *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. С. 174-175.

патерналистской модели с точки зрения побудительных причин, форм и методов апеллирования к власти. Революционная утопия и выраставшие на ее почве системы мифов того времени, преломляясь в массовом сознании, зачастую представляли собой социально-психологическую и культурную реакцию протеста человека против своей ничтожности на фоне гигантского исторического действия, именуемого революцией и гражданской войной. Вступая в диалог с властью с помощью письма, давая советы "вождям", описывая свое видение и понимание ситуации, миллионы людей чувствовали свою причастность к свершавшимся грандиозным событиям.

Вместе с тем действовали и совершенно иные факторы, диаметрально противоположные духу революционного романтизма. Господствовавший жанр апелляции во власть в тот период — это жалоба главным образом на репрессивные, конфискационные и в целом неправомерные действия властей, особенно на местах. Революция и гражданская война не только генерировали соответствующую мифологию, но и активизировали иные ментальные структуры, основанные на инстинкте самосохранения и логике выживания — индивидуумов, семей, общества в целом.

Иначе говоря, можно констатировать сочетание воплощенных в "письмах во власть" иррациональных, основанных на революционной мифологии структур сознания со вполне рациональными, демифологизированными проявлениями менталитета и массовых настроений.

Период новой экономической политики характеризуется дальнейшим усилением рациональных элементов общественного сознания. Можно предположить, что роль "писем во власть" как части политических, управленческих отношений в тот период возросла. Нэп — время компромисса — усиливает потребность в диалогичности взаимодействия власти и общества. Несколько слабеет страх перед коммунистическим государством, у миллионов людей появляется ощущение большей "нормальности" устанавливавшейся в стране жизни. Письма становятся важной частью механизма управления и контроля за социально-политическими процессами. Так, в середине 20-х годов от 15 до 50% писем из "Крестьянской газеты" поступали в ведомства, которые были обязаны проводить по ним расследования, а свыше 20% — в созданную специально для этих целей юридическую консультацию. На общественных началах в этой консультации были задействованы почти все московские адвокаты. Конечно, необходимость в диалоге государства с обществом значительно ослабла после отказа от нэпа. Однако этот диалог никогда не прерывался.

Разумеется, спутанность культурных установок и фрагментированность российской полупатриархальной массовой психологии, резко усилившиеся в условиях фрустрированности революционного и послереволюционного времени, не позволяют говорить о наличии каких-либо ментальных параметров в "чистом виде". Все они

изрядно перепутаны, "замутнены", зачастую эклектичны. Сама связь ценностной ориентации с социальными интересами различных групп представляется неявной и косвенной.

"Письма во власть" послереволюционной эпохи, таким образом, можно определить и как культурный феномен, и как некую форму гражданского действия. Реальная и вполне осязаемая в обыденной жизни роль заявлений, жалоб, писем как политического взаимодействия не просто велика, но в ряде случаев и определяюща. Аморфное и в гражданском смысле уничтоженное общество, не имеющее возможности (да и привычки) отстаивать свои интересы в рамках демократических процедур и институтов, из "великого немого" превращается в "великого пишущего". В свою очередь, власть, не имея ни малейшего желания реально эмансипировать общество в гражданском и конституционном отношении, дает последнему возможность выговориться в письмах и даже нередко внимательно прислушивается к "гласу народному". А как еще можно было в условиях советской России, например, почувствовать настроения низов, определить круг социально и политически значимых в общественном сознании проблем, узнать о конкретных фактах искажения "генеральной линии" на местах? Разумеется, репрессивно-карательные структуры неусыпно держали руку на пульсе общественной жизни и настроений; они всегда выполняли роль важнейших звеньев информационной системы власти. В частности, с 1918 г. одной из основных форм информационной подачи стали сводки ВЧК (позднее — ГПУ и НКВД). Однако сводки никогда не являлись единственным и исключительным способом информационного обеспечения государства и его "вождей" в послереволюционное время хотя бы в силу вторичного, опосредованного характера передававшихся в них сведений. Письма же (заявления, жалобы, доносы и т.д.) создавали канал прямого общения государства и его подданных, причем общения диалогического, основанного на обратной связи. Иными словами, для того чтобы понять характер социокультурного взаимодействия посредством коммуникативной функции писем в рамках системы власть — народ, исследователю следует анализировать способы и методы ведения этого диалога (например, реакцию государства на различные "сигналы с мест", содержащиеся в письмах).

Анализ различных форм апелляции к власти убеждает, что Россия вступила в революцию с массово ощущавшимся недовольством существовавшим положением вещей и с пониманием исчерпанности ресурсов старого строя, отсутствием у него перспектив развития. В этом отношении революция закономерна как социокультурный феномен, как компонент общественного сознания. При этом нельзя утверждать, что настроениям подавляющего большинства людей как в городе, так и в деревне был присущ сверхрадикализм и желание немедленно, именно здесь и именно сейчас раз-

рушить все до основания и начать создавать невиданное в мировой истории общество. Конечно, подобные настроения революционного утопического романтизма были весьма распространены. Однако с ними соседствовали достаточно умеренные ожидания давно назревших разумных перемен, никак не связанных с насилием, конфискациями собственности, чрезвычайщиной и т.д.

Между тем новая эпоха, наступившая в октябре 1917 г., привела к все более глубоким сдвигам в социокультурной ткани русского общества, рождавшим определенные ментальные трансформации. Революции и гражданские войны ведут к смене исторических эпох, глубоко трансформируют структуры и внутреннее содержание государственной власти и управления, рожают к жизни новую социальную среду (и, следовательно, делают жизненно важной проблему адаптации к ней индивидуума). Именно проблема социализации в радикально изменившихся условиях являлась определяющей в формировании ментальности человека после 1917 г. Государство как центральный институт власти, конечно, остается, но при этом возникают новые типы политических и управленческих, а также в целом социокультурных взаимодействий. Не являлась исключением и революционная, и постреволюционная эпоха в России. Принесла гигантские, глобальные изменения в общественно-политическом бытии, она вместе с тем включает и проблему столкновения нового со старым: новых институтов с многовековыми управленческими традициями, новой властной элиты со старыми "спецами" управления, наконец, государства и общества, значительно более инертного и менее подверженного быстрым изменениям. Иными словами, первое послереволюционное десятилетие характеризуется причудливым и многообразным сочетанием и конфликтом традиции и новации во всех сферах жизни. Этот конфликт находит свое отражение и в массовом сознании, и без того чрезвычайно мозаичном, фрагментированном и противоречивом. Эпоха революционного хаоса равным образом хаотизирует менталитет и общественные настроения, лишает политическую психологию устойчивой ценностной ориентации. Общественные кризисы носят не только и не столько экономический и социальный, но и глубоко выраженный и куда более драматический психологический характер. Такие феномены массового сознания, как озлобленность, склонность к насилию и его культурная легитимация (оправданность в менталитете), апатия и цинизм, растерянность, подверженность манипулированию и идеологической обработке, стремление к поиску простых ответов на сложные вопросы жизни являются верными признаками кризиса и крушения социально-политических систем. При этом наиболее приемлемой для архаического сознания большинства населения, для его социальных низов становится идея насилия, та идеология и та пропаганда, которые рисовали образ врага и указывали простейший способ решения наиболее сложных и запутанных общест-

венных проблем — палка, принуждение, "революционная целесобразность". "Снести голову" "богатому угнетателю" как самый простой и поэтому привлекательный способ решения проблем — одна из ипостасей формировавшегося с 1917 г. комплекса представлений о целях и методах социальных преобразований.

Вместе с тем анализ "писем во власть" 1917-1927 гг. показывает, что не только мифология и бессознательное, социальные инстинкты "толпы" определяли ментальные параметры и настроения общества. Более того, можно сделать вывод, что массовое сознание в эти годы прошло несколько этапов глубокой "рационализации". Первый из них связан с конфискационными мероприятиями большевиков, затронувшими интересы большинства населения России, а также с террором и массовыми беззакониями, нарушениями прав человека в период гражданской войны. Настроенческой реакцией, а также и определенным культурным сдвигом в "письмах во власть" стали широко зазвучавшие правозащитные мотивы, разумеется, в рамках традиционных для России представлений о таких понятиях, как "свобода", "справедливость", "закон" и т.д. Но выраженный правозащитный характер многих писем, отстаивание в них "естественных прав" индивидуальных личностей, семей, коллективов не вызывает сомнения. Второй этап связан с нэпом и порожденным им ощущением возросшей "нормальности" социально-политической жизни. В различных формах апелляции граждан к государству мотивы чрезвычайщины становятся гораздо более приглушенными, уступая место рациональному дискурсу, рассчитанному на установление доверительных отношений со властью.